

Н. В. Пономарев

ВЛИЯНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ НА СИСТЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Развитие военно-политических процессов в Индо-Тихоокеанском регионе впервые за последнее десятилетие стало одним из важнейших факторов, меняющих конфигурацию безопасности в Восточной Азии. Становление Индо-Тихоокеанского региона в качестве крупнейшего мирового экономического и транзитного узла наряду с критической зависимостью всех крупных восточноазиатских экономик от пролегающих через него каналов транзита стратегического сырья способствовало его превращению в центральную арену американо-китайского соперничества и реализации конкурирующих проектов преобразования архитектуры безопасности во всей Азии. Анализ показателей международного военно-политического сотрудничества в регионе для США и КНР демонстрирует модель сдерживания, обнаруживающую определенное сходство с процессами на границах России на постсоветском пространстве и в Арктике, а также позволяет выделить новый этап обострения соперничества в 2010-х годах. Библиогр. 27 назв.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион, внешняя политика Соединенных Штатов, морская безопасность, военное сотрудничество.

N. V. Ponomarev

IMPLICATIONS OF THE MILITARY-POLITICAL DEVELOPMENTS IN THE INDO-PACIFIC FOR THE SECURITY SYSTEM IN NORTH-EAST ASIA

Military and political developments in the Indo-Asia-Pacific in the course of the last decade for the first time became one of the prominent factors, shaping security environment in North-East Asia. The rise of the Indo-Pacific as the world's largest economic and transportation hub and critical dependence of all major East Asian economies on its vulnerable maritime supply lines were conducive to its transformation into principal arena for Sino-American competition and implementation of rival projects for a new Asian security architecture. Analysis of US and Chinese international military-political engagement data for this region reveals consistent containment patterns remarkably similar to those found on Russia's periphery and also highlight a new phase of intense competition starting in 2010s. Refs 27.

Keywords: the Indopacific, the Indo-Asia-Pacific, US foreign policy, maritime security, military cooperation.

В последние годы национальная безопасность всех крупнейших государств Восточной Азии оказалась непосредственно связана с проблемами защищенности морских каналов импорта стратегического сырья, пролегающих в акваториях Индийского океана, Южно- и Восточно-Китайского морей. Соображения, имеющие отношение к контролю над данными коммуникациями, равно как и к возможным морским запасам энергоресурсов, стали также играть существенную роль в обо-

Пономарев Николай Владимирович — аспирант, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; nikolai.ponomarev@gmail.com

Ponomarev Nikolay V. — Postgraduate, Moscow State Institute of International Relations, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; nikolai.ponomarev@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

стрении территориальных споров между КНР и Японией, КНР и государствами Юго-Восточной Азии. В это же время индо-тихоокеанский вектор стал одним из ведущих в рамках укрепления военно-политического сотрудничества США с их восточноазиатскими союзниками.

Предпосылками активного внедрения терминов «Индо-Тихоокеанский» и «Индо-Азиатско-Тихоокеанский» с конца 2000-х годов сначала в индийском и японском, а позднее в американском и австралийском дипломатическом дискурсе стали серьезные геоэкономические и военно-стратегические сдвиги, произошедшие с начала XXI в. С возвышением Восточной Азии в качестве нового мирового экономического центра именно через Индийский океан и Юго-Восточную Азию осуществляется до 50 % мировых контейнерных перевозок, 70 % перевозок нефтепродуктов и 75 % восточноазиатского импорта энергоносителей [1], при этом из 11 участков, наиболее уязвимых для перекрытия поставок углеводородов, большая часть находится именно здесь, в том числе Ормузский, Баб-эль-Мандебский, Малаккский, Ломбокский проливы [2–3].

Долгосрочная зависимость государств Северо-Восточной Азии от импорта энергоносителей носит объективный характер. Несмотря на успехи КНР в 2003–2013 гг. в расширении секторов атомной и гидроэнергетики, основой национальной энергосистемы страны остаются каменный уголь, нефть и природный газ. Зависимость КНР от импорта нефти может возрасти в 2035 г. до 84 % от общего объема ее потребления, а природного газа — до 42 % [4, с. 29]. Опора на углеводородные источники характерна для энергобаланса и важнейших американских союзников в регионе: к 2013 г. аналогичная доля импортируемой нефти Японии — 66 %, у Республики Корея — 57 %, у Тайваня — 52 %. Прогнозируется, что объем импорта газа в Азиатско-Тихоокеанском регионе увеличится более чем втрое и составит 51 % от мировых поставок. Реальные перспективы снижения зависимости данных стран от индо-тихоокеанского маршрута отсутствуют: более половины импорта нефти в КНР приходится на Ближний Восток и Западную Африку, у Японии — 73,5 %, схожая картина для Китая, Японии и Южной Кореи складывается и по импорту сжиженного природного газа [4 с. 17].

Центральноазиатские каналы энергоимпорта КНР уязвимы в случае активизации сепаратистских групп в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где сосредоточена значительная часть стратегических хранилищ нефти. Реализация проекта магистрали «Сила Сибири», развитие импорта СПГ по тихоокеанскому маршруту из Северной Америки и по арктическому из Российской Федерации, увеличение поставок СПГ из Австралии не способны снять для Китая данную проблему. «Энергетическая политика КНР» 2012 г. отмечает «смертельные угрозы энергетической безопасности, связанные с ростом зависимости от внешних источников энергии при небольшом объеме резервов. Морские поставки и трансграничные трубопроводы сталкиваются с возрастающими рисками. Волатильность на мировом рынке затрудняет гарантированное удовлетворение внутреннего спроса» [5].

В Стратегии национальной безопасности Японии, утвержденной в редакции 2013 г., также заметное место отводится проблемам энергетической безопасности, угрозе со сторон КНР, международному сотрудничеству и помощи по военно-политическим каналам в вопросах защиты маршрутов углеводородного импорта [6, с. 17]. В 2010 г. в рамках Диалога Шангри-Ла министр обороны Японии назвал

Северо-Восточную Азию в качестве одного из четырех морских регионов, которые Япония должна защищать, чтобы обезопасить свои морские коммуникации [7].

Несмотря на осторожность дипломатических формулировок в итоговых документах, фиксирующих результаты работы двусторонних консультативных органов США и их союзников, со второй половины 2000-х годов в числе основных приоритетов сотрудничества неизменно указываются задачи обеспечения безопасности судоходства и устранения угроз для морских коммуникаций. Так, на заседании американо-японского консультационного Совета безопасности в 2011 г. был обозначен поворот к реорганизации альянса. В число приоритетов вошли защита свободы судоходства в регионе, развитие диалога по диверсификации источников критически важных ресурсов и материалов, включая энергоносители, укрепление многостороннего военного сотрудничества с государствами, разделяющими эти цели.

Связь вопросов безопасности морских пространств с обеспечением энергетической безопасности признается в работах экспертов, посвященных Республике Корея [8–9], Японии и Австралии [10–11]. В Белой книге по вопросам обороны 2013 г., опубликованной правительством Австралии, особое внимание уделяется зависимости экономик торговых партнеров — Индии, Японии, Южной Кореи и Сингапура — от уязвимых морских каналов импорта [12].

Американский взгляд на проблему получил достаточно откровенное отражение в докладах Тихоокеанского командования ВС США. В докладе 2005 г. утверждается, что рост потребности КНР в морском энергоимпорте станет одним из основных факторов, определяющих развитие международных процессов в области безопасности в регионе [13]. В докладе 2012 г. констатируется зависимость союзников от безопасности морских, космических и кибернетических глобальных общих пространств, подчеркивается особое значение морских маршрутов в Индийском океане для энергопоставок с Ближнего Востока в Америку и Восточную Азию [14]. В докладах 2013–2015 гг. отмечается зависимость крупнейших стран региона от энергоимпорта и роль споров за контроль над источниками энергоресурсов в дестабилизации политического положения [15].

Американо-китайские противоречия в регионе, согласно мнению американских военных экспертов, могут привести к последствиям глобального масштаба. Это относится и к расхождениям КНР и США в интерпретации международных правовых норм, регулирующих режим судоходства в исключительной экономической зоне, и к сохранению Китаем претензий на особые исторические права в Южно-Китайском море (ЮКМ) за ее границами. Несмотря на то что страны, сочувствующие китайской позиции, не выдвигают подобных требований, утверждение КНР желаемого уровня контроля в ЮКМ способно повлечь изменения международных норм, регулирующих правоотношения в морской зоне [16]. Концепцию территориальности морского пространства Китай воплощает в попытках создания искусственных островов, равно как и в официальных заявлениях о буровых платформах для глубоководного бурения в качестве «китайской мобильной национальной территории и стратегического оружия» [16].

Американские эксперты признают, что в определенной мере Малаккская дилемма Китая, связанная с прохождением основных транзитных маршрутов энергоимпорта через узкий и уязвимый Малаккский пролив, затрагивает все крупные промышленные страны. В случае неспособности США обеспечить проецирование

силы в данную зону у стран региона не останется другого выбора, кроме как примкнуть к Китаю [17, с. 8]. В подтверждение данных опасений приводятся ссылки на высказывания военных и политиков стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Так, по мнению неназванного высокопоставленного дипломата, вывод США из западной зоны АТР одной авианосной ударной группы (АУГ) изменит правила игры и подтолкнет малые страны к «финляндизации» [17, с. 17]. Резонанс вызвали высказывания некоторых представителей вооруженных сил стран ЮВА, проходивших обучение по американским программам подготовки. По их словам, в случае сокращения объемов военного сотрудничества у них не останется иного выбора, как подчиниться КНР.

Вызов со стороны КНР в борьбе за контроль над морскими пространствами многим американским экспертам видится едва ли не главной угрозой американскому лидерству и существованию всего международного порядка: «...одним из изменений, которые в случае своей победы будет способен диктовать Китай, может стать статус ИЭЗ. Помимо превращения ЮКМ во внутреннее море это также лишит ВМС США способности действовать глобально для поддержания среды безопасности и того господства на море, которое необходимо для сохранения Бреттон-Вудской системы» [18, с. 26].

Помимо укрепления суверенитета в ВКМ и ЮКМ, Китай с целью защиты своих интересов в Индийском океане, включая обеспечение безопасности каналов энергоимпорта, активно реализовывал стратегию «двух островных гряд», дублирующую систему передовых рубежей обороны США, призванных сдерживать КНР [19], а в рамках стратегии «жемчужной нити» в акватории Индийского океана были созданы опорные пункты от Ормузского пролива до Мьянмы. В 2014 г. было заявлено о планах создать объединенный командный центр для ВКМ. Китайская служба морского надзора также стала ведущим инструментом утверждения контроля в спорных акваториях, ее штат и ресурсы позволяют действовать не только в ВКМ и ЮКМ, но и в Индийском океане [20].

Наращивание КНР потенциала ВМС в 2000-е годы ускорило пересмотр приоритетов США. Контроль за каналами китайского энергоимпорта составляет один из важнейших элементов сдерживания КНР. Практические вопросы реализации военной блокады проливов, через которые осуществляются эти поставки, остаются предметом оживленных дискуссий в американском экспертном сообществе [21–22]. В центре внимания оказались проблемы адаптации вооруженных сил к решению задач контроля морских коммуникаций Китая через перераспределение функций в рамках многосторонних режимов безопасности, применение асимметричных стратегий, переход от уязвимых для китайских средств поражения АУГ к рассредоточенным и трудноуязвимым боевым платформам, более подходящим для организации блокады, что стало новым этапом развития концепции воздушно-морского боя.

Работа американской дипломатии по созданию системы сдерживания КНР от Японии и Южной Кореи до Юго-Восточной Азии и Индии хорошо прослеживается с середины 2000-х годов. Первым этапом стало активное продвижение проекта многостороннего механизма обеспечения безопасности в районе стратегически важного Малаккского пролива и прилегающих акваторий в виде Региональной инициативы в области морской безопасности (RMSI).

В это же время с 2005 г. было инициировано беспрецедентное военно-политическое сближение США с Индией. Страны подписали рамочное соглашение о сотрудничестве в вопросах обороны, включавшее расширение совместных учений и торговли вооружениями, а в 2006 г. — рамочное соглашение по сотрудничеству в области морской безопасности. С 2009 г. сотрудничество с Индией развивается в рамках стратегического диалога, охватывающего вопросы обороны и безопасности, включающего ежегодные встречи министров иностранных дел.

Характерно, что к проводящимся с 1992 г. крупнейшим двусторонним военно-морским учениям «Малабар», уровень которых был в 2000-е годы повышен сначала до среднего (2003), а потом до продвинутого (2005) и высокопродвинутого (2007) [23], в 2007 г. впервые присоединились ВМС Австралии, Сингапура и Японии, что вызвало болезненную реакцию Пекина. Несмотря на последовавшее за ней решение воздержаться от подобного расширения формата учений, уже в 2009 г. Япония вновь приняла в них участие, а в 2014–2016 гг. этот трехсторонний формат фактически стал постоянным.

В эти же годы был выдвинут проект международного «квартета» в составе США, Австралии, Японии и Индии, также встреченный оппозицией КНР [24]. Важную роль получил трехсторонний американо-японо-австралийский стратегический диалог, с 2005 г. проводимый на министерском уровне.

Центральным органом, осуществляющим координацию программ военно-сотрудничества Соединенных Штатов с зарубежными государствами на пространстве от Японии и Южной Кореи до Сингапура и Индии, выступает объединенное Тихоокеанское региональное командование ВС США. Согласно его стратегии основу архитектуры взаимодействия со странами региона составляют военные альянсы с Австралией, Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом. Второй уровень — партнерство с Индией, Индонезией, Сингапуром, Малайзией и Вьетнамом [25].

Если интенсивность военного сотрудничества с государствами Северо-Восточной Азии оставалась на неизменно высоком уровне, то для большинства стран ЮВА вслед за значительным сокращением этих контактов в 2000-е годы произошло их полномасштабное возобновление, а после провозглашения новых стратегических оборонных приоритетов США 2012 г. они были выведены на более высокий уровень.

В 2002 г. Таиланд стал второй после Кореи страной за пределами НАТО, с которой США заключили соглашение о развертывании пунктов передового складирования вооружений. В 2003 г. Таиланд и Филиппины получили статус основного союзника вне НАТО. С 2005 г. был возобновлен стратегический диалог США и Таиланда по линии внешнеполитических ведомств. А в 2006 г. США сняли прежние ограничения, возобновив экспорт вооружений в Индонезию.

В 2010 г. было создано Всеобъемлющее партнерство США и Индонезии, в 2010–2012 г. — новое стратегическое партнерство с Новой Зеландией, развернут стратегический диалог с участием представителей министерств иностранных дел и обороны. В 2011 г. начал двусторонний стратегический диалог с Филиппинами, с 2012 г. проводятся встречи министров иностранных дел и обороны в формате 2+2. В 2012 г. впервые за 50 лет принято Совместное заявление о перспективах оборонного альянса США и Таиланда. В 2013 г. запущен Диалог стратегического

партнерства с Сингапуром. В 2014 г. состоялся исторический, первый с 1966 г. визит американского президента в Малайзию, в ходе которого было принято решение повысить статус отношений до всеобъемлющего партнерства. С Филиппинами в 2014 г. подписано соглашение об углублении оборонного сотрудничества. Восстанавливаются военно-политические контакты Соединенных Штатов с Вьетнамом: с 2010 г. ежегодно проходят встречи в рамках диалога в области оборонной политики, в 2013 г. объявлено о повышении статуса отношений до всеобъемлющего партнерства. Предпринимаются попытки по налаживанию сотрудничества с Мьянмой. В 2011 г. — состоялся первый за 56 лет визит госсекретаря США в эту страну. Последовала подготовка программ военной помощи и приглашение наблюдателей от Мьянмы на учения «Кобра Голд».

Процесс ревизии военно-политических механизмов затронул и Северо-Восточную Азию. В 2014 г. впервые с 1997 г. был произведен пересмотр руководства по оборонному планированию с Японией. Согласовано развертывание беспилотных летательных аппаратов «Global Hawk» на американских базах в Японии. Этот шаг напрямую связан с проблемой территориальных споров в ВКМ и активизации политики КНР. Данные проблемы обсуждалась на встрече американско-японского консультационного комитета по вопросам безопасности с участием министров иностранных дел и обороны в 2013 г. В совместном заявлении отмечается, что поддержка военного присутствия США содействует стабильности в АТР в рамках принципов открытого доступа всех сторон к общим морским пространствам.

Особую роль в поддержании и укреплении контактов на уровне военных ведомств играет обширная система военных учений. В 2011 г. под контролем Тихоокеанского командования ВС США было проведено 146 двусторонних и многосторонних военных учений [27]. С Филиппинами учения были возобновлены с 2000 г., с Индонезией — в 2007–2009 гг., с 2010 г. они стали регулярно проводиться и с Камбоджей и Вьетнамом. Тенденции к расширению формата характерны для большинства двусторонних учений, проводимых США в регионе: так, к американо-филиппинским учениям «Баликатан» с 2012 г. периодически присоединяются ВС Австралии, в 2012–2014 гг. в американо-японских учениях «Коуп Норт» стали принимать участие Австралия и Южная Корея, в 2014 г. Австралия приняла участие в американо-сингапурских учениях «Коммандо Слинг». Активно расширяется круг участников многосторонних учений. Так, к учениям «Кобра Голд», проводившимся первоначально как американо-тайландские, в 2000 г. присоединился Сингапур, с 2005 г. — Япония, с 2006 г. — Индонезия, в 2010 г. — Республика Корея, а в 2011 г. — Малайзия.

С 2002 г. США ежегодно проводят учения «СЕАКАТ», посвященные обеспечению безопасности морских пространств, борьбе с пиратством и иными формами преступности. Организуемые с 1971 г. ВМС и КМП США крупнейшие в мире учения ВМС «Тихоокеанский рубеж» резко расширили состав участников. В 1990–2008 гг. участниками из стран региона были Австралия, Южная Корея и Япония. В 2010 г. к ним присоединились Таиланд, Сингапур, Малайзия, Индонезия, в 2012 г. — Индия, Новая Зеландия и Филиппины, впервые направил своего наблюдателя Вьетнам.

Особую группу составляют ежегодно проводимые учения серии ИБОР-ОМУ, учитывая что у США существуют серьезные противоречия с КНР относительно

но данной инициативы. Несмотря на широкий круг делегаций стран-участниц, непосредственно в первых учениях «Пасифик Протектор» в 2003 г. и вторых «Тим Самурай» 2004 г. участвовали лишь корабли Австралии и Японии. В 2005 г. к ним присоединились Новая Зеландия и Сингапур, в 2009 г. — Южная Корея, Филиппины и Бруней. В 2014 г. было объявлено о начале нового цикла учений «Фортьюн Гард» с ротацией мест проведения между Австралией, Сингапуром, Южной Кореей и Японией.

Общее количество и состав проводимых ВС США учений в АТР резко выросли на рубеже 2000–2010-х годов и продолжают расти.

Рост заметен и по показателям экспорта вооружений США странам региона. В целом фиксируется значительное увеличение объемов контрактов со второй половины и особенно конца 2000-х годов, заключаются новые контракты: в 2007–2011 г. — с Филиппинами, 2008–2013 гг. — Австралией и Тайванем, в 2009–2013 гг. — Малайзией, в 2010–2013 гг. — Таиландом, Индией, в 2012–2013 гг. — с Индонезией. В начале 2010-х годов увеличились поставки в Японию и Южную Корею.

Значительно были расширены и американские программы подготовки военных кадров, преимущественно для государств ЮВА. Подготовка военных кадров в регионе имеет тенденцию к превращению в одну из областей соперничества КНР и США. Так, после наложения запрета на предоставление военной помощи объемом 24 млн долл. после путча 2006 г. Китай выделил 49 млн долл. и расширил квоты для тайских офицеров в своих военных учебных заведениях, равно как и масштабы совместных учений Сил специальных операций (ССО) [26].

Курс на укрепление военного присутствия США в АТР отчасти уравновешивался некоторыми шагами, направленными на налаживание военно-дипломатических контактов с КНР. Военное сотрудничество набрало темп с 2012 г. после визита Си Цзиньпина в Пентагон. ВМФ США и НОАК провели ряд совместных операций, включая антипиратские миссии у берегов Сомали в 2012 г., двухдневные учения по борьбе с пиратством в Аденском заливе в сентябре 2013 г., совместные учения на Гавайях в целях отработки взаимодействия в гуманитарных операциях.

Необходимо отметить переход КНР на рубеже 2000–2010 гг. к курсу на активное расширение масштабов военно-политического взаимодействия с государствами региона. Возросло участие Китая в многосторонних консультативных механизмах. Этому способствовало расширение формата совещаний министров обороны стран — членов АСЕАН в 2010 г. до СМОА+ с включением партнеров по диалогу: Австралии, Индии, КНР, России, США, Южной Кореи, Новой Зеландии и Японии, создание Расширенного морского форума АСЕАН в 2012 г. На западном рубеже Индийского океана КНР, наряду с США и еще 60 странами и международными организациями, с 2009 г. участвует в работе контактной группы по проблеме пиратства у берегов Сомали. КНР, как и США и Япония, обладает статусом партнера по диалогу в Ассоциации регионального сотрудничества стран побережья Индийского океана. В 2014 г. глава ВМФ НОАК впервые принял участие в Международном симпозиуме морских держав, проводимом раз в два года с 1969 г. в Ньюпорте в США на базе Военно-морского командно-штабного колледжа.

В 2011 г. КНР присоединилась к проводимым с 2009 г. учениям АСЕАН «АРФ-Дирекс», а в 2014 г. впервые участвовала в учениях «Тихоокеанский рубеж».

В 2013 г. состоялись учения с участием Австралии, Новой Зеландии, США и КНР, посвященные гуманитарным операциям и ликвидации последствий природных бедствий.

Одновременно произошло и резкое увеличение частоты совместных военных учений НОАК с ВС зарубежных стран в регионе. Предпринимаются попытки установить более тесные контакты с Таиландом. С 2007 г. стали проводиться учения ССО, с 2010 г. — совместные учения «Блю Страйк», первые международные учения, где ВМФ НОАК действовал за пределами Китая. В 2013 г. заявлено о желании учредить аналогичные учения для ВВС. В 2009 и 2010 гг. были также проведены первые учения с ВС Сингапура, в 2011 и 2012 гг. инициированы учения с Индонезией, в 2007, 2008 и 2013 гг. — первые учения с ВС Индии, в 2014 г. — с Малайзией. В 2014 г. китайские ВМС провели первые учения с ВМС Ирана «Велаят 3», посвященные отработке задач борьбы с пиратством и спасательных операций в Аравийском море и районе Ормузского пролива.

Необходимо также отметить тенденцию к возникновению конкуренции в сфере военных инструментов проецирования мягкой мощи. С 2008 г. вслед за США Китай также осуществляет гуманитарные миссии в Африке с участием корабля ВМС НОАК, с 2010 г. также в Индийском океане, а с 2012 г. и в Латинской Америке [27]. По каналам межведомственного взаимодействия Китай активно предлагает странам ЮВА альтернативы совместным военным программам с США.

Можно говорить о последовательных попытках США стягивания нового индо-тихоокеанского регионального комплекса безопасности с опорой на старые военные альянсы с государствами Северо-Восточной Азии, возобновленное военное сотрудничество с государствами Юго-Восточной Азии и инициированное с 2005 г. сотрудничество с Индией. Эта дуга сдерживания КНР, перекрывающая основные стратегические коммуникации, вызывает определенные ассоциации с конфигурацией многочисленных проектов балтийско-черноморско-каспийских объединений и программ военного сотрудничества НАТО на постсоветском пространстве, дополняемых с конца 2000-х годов также усилиями по ее замыканию на арктическом направлении на фоне беспрецедентной активизации полярных учений НАТО и дискуссий о возможном пересмотре внеблокового статуса Швеции и Финляндии. Вместе с тем решимость КНР добиваться дальнейшего укрепления своего суверенитета в акватории Восточно- и Южно-Китайских морей, расширения присутствия в Индийском океане и развития военно-политического взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии делает исход этого соперничества в долгосрочной перспективе труднопредсказуемым.

Литература

1. *Richardson M.* Asia's Middle East Oil Dependence: Chokepoints on a Vital Maritime Supply Line. Institute of Southeast Asian Studies. Singapore. 2007. URL: www.iseas.edu.sg/tr12007.pdf (дата обращения: 01.09.2012).
2. World Oil Transit Chokepoints. Energy Information Administration. 2011. URL: http://www.eia.gov/cabs/world_oil_transit_chokepoints/full.html (дата обращения: 01.09.2012).
3. BP Energy Outlook 2035. January 2014. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/Energy-Outlook/Energy_Outlook_2035_booklet.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
4. *Rodrigue J. P.* Straits, Passages and Chokepoints. A Maritime Geostrategy of Petroleum Distribution // *Cahiers de Géographie du Québec*. 2004. N 135. P. 357–374.

5. China's Energy Policy 2012. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. October 2012, Beijing. First Edition 2012. URL: http://www.gov.cn/english/official/2012-10/24/content_2250497.htm (дата обращения: 01.09.2012).
6. Japan National Security Strategy. 17 December 2013. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/_icsFiles/afildfile/2013/12/17/NSS.pdf (дата обращения: 30.10.2016).
7. *Sayers E.* The "Consequent Interest" of Japan's Southwestern Islands. A Mahanian Appraisal of the Ryukyu Archipelago // *Naval War College Review*. 2013. Vol. 66, N 2. P. 57–58.
8. *Jung-Ho Bae, Denmark A. (eds.)* The U.S.-ROK Alliance in the 21st Century. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2009. 377 p.
9. *Hofstedt T. A.* U.S. Navy China in Africa. An AFRICOM Response // *Naval War College Review*. 2012. Vol. 62, N 3. P. 79–100.
10. *Srihachan B.* US Alliances in the Asia-Pacific // *Australian Defense Force Journal*. 2012. N 189. P. 34–45.
11. *Nguyen N. M.* Calming the Dragons: territorial disputes and Australian maritime contributions to conflict prevention // *Australian Defense Force Journal*. 2013. N 192. P. 19–25.
12. Defence White Paper 2013. Australian Government. Department of Defence. URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
13. United States Pacific Command 2005 Posture Statement. URL: <http://osd.dtic.mil/dodgc/olc/docs/test05-03-08Fallon.doc> (дата обращения: 01.03.2015).
14. United States Pacific Command 2012 Posture Statement. URL: http://armedservices.house.gov/index.cfm/files/serve?File_id=e61db037-2149-4d23-b23e-2d206bd4ad60 (дата обращения: 01.03.2015).
15. United States Pacific Command 2015 Posture Statement. URL: <http://www.pacom.mil/Media/SpeechesTestimony/tabid/6706/Article/581146/pacom-before-the-house-appropriations-committee-remarks.aspx> (дата обращения: 01.03.2015).
16. *Murphy M.* Deepwater Oil Rigs as Strategic Weapon // *Navy War College Review*. 2013. Vol. 66, N 2. P. 110–114.
17. *Cronin P. M., Kaplan R.* Cooperation from Strength: U.S. Strategy and the South China Sea. Center for a New American Century. 2012. URL: http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
18. *Rubel R. C.* Command of the Sea: An Old Concept Surfaces in a New Form // *Naval War College Review*. 2012. Vol. 62, N 4. P. 21–34.
19. *Лебедева Н. Б.* Большой Индийский океан и китайская стратегия «Нить жемчуга» // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 9. С. 6–13.
20. *Гудев П. А.* Американо-китайский антагонизм в использовании ресурсов мирового океана // *Пути к миру и безопасности*. ИМЭМО. 2013. № 1(44). С. 23–37.
21. *Mirski S.* Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China // *Journal of Strategic Studies*. 2013. Vol. 36, issue 3. P. 385–421.
22. *Montgomery E. B.* Reconsidering a Naval Blockade of China: A Response to Mirski // *Journal of Strategic Studies*. 2013. Vol. 36, issue 4. P. 615–623.
23. *Khurana G. S.* Malabar' Naval Exercises: Trends And Tribulations. National Maritime Foundation. Issue Brief. 2014. URL: http://www.academia.edu/7879273/INDIA-UNITED_STATES_MALABAR_NAVAL_EXERCISES_TRENDS_AND_TRIBULATIONS (дата обращения: 01.09.2014).
24. *Green M. J.* Defining U.S. Indian Ocean Strategy // *The Washington Quarterly*. 2012. Spring. URL: <http://csis.org/files/publication/twq12springgreenshearer.pdf> (дата обращения: 01.09.2012).
25. *Halloran R.* Sharpening the Spear // *Air Force Magazine*. 2011. February. URL: <http://www.airforcemag.com/MagazineArchive/Documents/2011/February%202011/0211spear.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
26. *Lohman W.* Reinvigorating the U.S. –Thailand Alliance. Heritage Foundation. September 28, 2011. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2011/09/reinvigorating-the-u-s-thailand-alliance> (дата обращения: 01.09.2014).
27. *Roughead G., Morrison J. S., Cullison T., Gannon S.* US Navy Humanitarian Assistance in an Era of Austerity. CSIS Report 2013. March. URL: http://csis.org/files/publication/130226_Roughead_NavyHumanitarianAssist_Web.pdf (дата обращения: 01.09.2014).

Для цитирования: Пономарев Н. В. Влияние военно-политических процессов в Индо-Тихоокеанском регионе на систему безопасности в Северо-Восточной Азии // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2016. Вып. 4. С. 108–118. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.410

References

1. Richardson M. *Asia's Middle East Oil Dependence: Chokepoints on a Vital Maritime Supply Line*. Institute of Southeast Asian Studies. Singapore, 2007. Available at: www.iseas.edu.sg/tr12007.pdf (accessed: 01.09.2012).
2. *World Oil Transit Chokepoints*. Energy Information Administration. 2011. Available at: http://www.eia.gov/cabs/world_oil_transit_chokepoints/full.html (accessed: 01.09.2012).
3. *BP Energy Outlook 2035. January 2014*. Available at: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/Energy-Outlook/Energy_Outlook_2035_booklet.pdf (accessed: 01.09.2014).
4. Rodrigue J.P. Straits, Passages and Chokepoints. A Maritime Geostrategy of Petroleum Distribution. *Cahiers de Géographie du Québec*, 2004, no. 135, pp. 357–374.
5. *China's Energy Policy 2012. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. October 2012, Beijing. First Edition 2012*. Available at: http://www.gov.cn/english/official/2012-10/24/content_2250497.htm (accessed: 01.09.2012).
6. *Japan National Security Strategy. 17 December 2013*. Available at: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/_icsFiles/afeldfile/2013/12/17/NSS.pdf (accessed: 30.10.2016).
7. Sayers E. The “Consequent Interest” of Japan's Southwestern Islands. A Mahanian Appraisal of the Ryukyu Archipelago. *Naval War College Review*, 2013, vol. 66, no. 2, pp. 57–58.
8. Jung-Ho Bae, Denmark A. (eds.) *The U.S.-ROK Alliance in the 21st Century*. Seoul, Korea Institute for National Unification, 2009. 377 p.
9. Hofstedt T. A. U.S. Navy China in Africa. An AFRICOM Response. *Naval War College Review*, 2012, vol. 62, no. 3, pp. 79–100.
10. Srihachan B. US Alliances in the Asia-Pacific. *Australian Defense Force Journal*, 2012, no. 189, pp. 34–45.
11. Nguyen N.M. Calming the Dragons: territorial disputes and Australian maritime contributions to conflict prevention. *Australian Defense Force Journal*, 2013, no. 192, pp. 19–25.
12. *Defence White Paper 2013. Australian Government. Department of Defence*. Available at: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (accessed: 01.09.2014).
13. *United States Pacific Command 2005 Posture Statement*. Available at: <http://osd.dtic.mil/dodgc/olc/docs/test05-03-08Fallon.doc> (accessed: 01.03.2015).
14. *United States Pacific Command 2012 Posture Statement*. Available at: http://armedservices.house.gov/index.cfm/files/serve?File_id=e61db037-2149-4d23-b23e-2d206bd4ad60 (accessed: 01.03.2015).
15. *United States Pacific Command 2015 Posture Statement*. Available at: <http://www.pacom.mil/Media/SpeechesTestimony/tabid/6706/Article/581146/pacom-before-the-house-appropriations-committee-remarks.aspx> (accessed: 01.03.2015).
16. Murphy M. Deepwater Oil Rigs as Strategic Weapon. *Navy War College Review*, 2013, vol. 66, no. 2, pp. 110–114.
17. Cronin P.M., Kaplan R. *Cooperation from Strength: U.S. Strategy and the South China Sea*. Center for a New American Century, 2012. Available at: http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf (accessed: 01.09.2014).
18. Rubel R.C. Command of the Sea: An Old Concept Surfaces in a New Form. *Naval War College Review*, 2012, vol. 62, no. 4, pp. 21–34.
19. Lebedeva N.B. Bol'shoi Indiiskii okean i kitaiskaia strategiiia «Nit' zhemchuga» [Greater Indian Ocean and Chinese String of Pearls strategy]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]*, 2011, no. 9, pp. 6–13. (In Russian)
20. Gudev P. A. Amerikano-kitaiskii antagonizm v ispol'zovanii resursov mirovogo okeana [Antagonism of the US and China regarding the use of the World Ocean]. *Puti k miru i bezopasnosti*. IMEMO, 2013, no. 1 (44), pp. 23–37. (In Russian)
21. Mirski S. Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China. *Journal of Strategic Studies*, 2013, vol. 36, issue 3, pp. 385–421.
22. Montgomery E. B. Reconsidering a Naval Blockade of China: A Response to Mirski. *Journal of Strategic Studies*, 2013, vol. 36, issue 4, pp. 615–623.
23. Khurana G. S. *Malabar' Naval Exercises: Trends And Tribulations*. National Maritime Foundation. Issue Brief. 2014. Available at: http://www.academia.edu/7879273/INDIA-UNITED_STATES_MALABAR_NAVAL_EXERCISES_TRENDS_AND_TRIBULATIONS (accessed: 01.09.2014).
24. Green M. J. Defining U.S. Indian Ocean Strategy. *The Washington Quarterly*, 2012, Spring. Available at: <http://csis.org/files/publication/twq12springgreenshearer.pdf> (accessed: 01.09.2012).
25. Halloran R. Sharpening the Spear. *Air Force Magazine*, 2011, February. Available at: <http://www.air>

forcemag.com/MagazineArchive/Documents/2011/February%202011/0211spear.pdf (accessed: 01.09.2014).

26. Lohnman W. *Reinvigorating the U.S. — Thailand Alliance*. Heritage Foundation, September 28, 2011. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2011/09/reinvigorating-the-u-s-thailand-alliance>(accessed: 01.09.2014).

27. Roughhead G., Morrison J. S., Cullison T. Gannon S. *US Navy Humanitarian Assistance in an Era of Austerity*. CSIS Report 2013. March. Available at: http://csis.org/files/publication/130226_Roughhead_Navy-HumanitarianAssist_Web.pdf (accessed: 01.09.2014).

For citation: Ponomarev N. V. Implications of the military-political developments in the Indo-Pacific for the security system in North-East Asia. *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 4, pp. 108–118. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.410

Статья поступила в редакцию 7 июля 2016 г.;
рекомендована в печать 19 октября 2016 г.